

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 175-187
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.175

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

On the Activities of Iosif Osmolovsky in the Context of the Russian Military Movements Against the Khokand Khanate (1852–1862)

Seilkhan Tokbolat ^{a,*}, Shyngys Rakhmetulla ^b

^a Sherkhan Murtaza International Taraz University, Taraz, Republic of Kazakhstan

^b L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article examines the role of Iosif Osmolovsky in the context of Russian military campaigns against the Khokand Khanate between 1852 and 1862. Although Osmolovsky is a lesser-known figure in the history of the Russian Empire, he played a key role in gathering intelligence on the political, military, and geographical situation in the Central Asian khanates. His efforts, in collaboration with Kazakh informants, were instrumental in shaping Russia's strategic approach during military expeditions. The paper explores how Osmolovsky utilized local knowledge, which allowed the Russian military to overcome logistical challenges and navigate the vast, harsh landscapes of Central Asia. By focusing on Osmolovsky's role in organizing and analyzing intelligence, the research highlights the significance of local collaboration in ensuring the success of Russian campaigns, especially in light of the challenges presented by the Khokand Khanate's internal conflicts and its military defenses. The findings reveal that Osmolovsky's work in intelligence gathering was crucial for refining Russian military strategies, optimizing troop movements, and enhancing the overall efficiency of the expeditions. The study demonstrates how the use of local informants became an essential tool for the Russian Empire in expanding its influence in Central Asia.

Keywords: Osmolovsky, Russian Empire, Central Asia, Russian military expeditions, Khokand Khanate, intelligence gathering, Kazakhs, Kazakh informants, Central Asian khanates, steppe.

1. Введение

Военные походы Российской империи в Среднюю Азию в середине XIX века отражали сочетание стратегической необходимости и адаптации к сложным природным и политическим условиям региона. Огромное пространство казахской степи, разделявшее Россию и Среднюю Азию, представляло собой серьезное препятствие из-за географических и климатических особенностей, которые значительно усложняли проведение военных походов. Эти трудности напрямую влияли на успех или провал экспедиций. Для преодоления таких проблем Санкт-Петербург разрабатывал решения, направленные на упрощение логистики, включая привлечение казахов для участия в транспортных и вспомогательных задачах. Однако подобные меры не всегда оказывались успешными. Особенно ярким примером является неудачный поход оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского на Хиву в 1839 году, завершившийся провалом. Несмотря на мобилизацию транспортных животных у казахов, суровые условия степи стали серьезным испытанием для русских войск. Экспедиция понесла значительные потери в людях и животных, так и не достигнув поставленной цели (Morrison, 2014).

После этого для российской администрации стало особенно важно не только использовать казахов для обеспечения транспортных нужд, но и привлекать их знания о местности и противнике. С военной экспедиции 1853 года против кокандской крепости Акмечеть началась систематизация

* Corresponding author

E-mail addresses: seiltokbolat@gmail.com (S. Tokbolat)

сбора сведений о Кокандском ханстве, включая его политическую обстановку, военный потенциал и географические особенности, с активным привлечением казахов. Эта деятельность позволяла выявлять текущую политическую обстановку в ханствах, внутренние конфликты, состояние оборонительных сооружений, уязвимость в системе обороны противника, а также детали логистических маршрутов. На основе полученных данных выстраивались стратегии, которые обеспечивали более точное планирование военных походов.

В условиях ограниченных ресурсов для непосредственного контроля и оперативного сбора информации казахские лазутчики (информаторы) стали важнейшим элементом системы обеспечения сведениями. Как отмечает Б.Т. Жанаев, без помощи казахов вряд ли было возможно не только дальнейшее продвижение России в южном направлении, но и поддержание степных укреплений. Казахи снабжали русские войска продовольствием, участвовали в строительстве укреплений, служили проводниками и информаторами, предоставляли вспомогательные военные отряды, возчиков и верблюдов для транспортировки грузов русских экспедиционных отрядов (Жанаев, 2016: 3-4).

Но зачастую собранные сведения носили характер слухов, и для администрации Оренбурга в процессе дальнейшего продвижения возникала необходимость тщательного анализа материалов и разделения фактов и вымысла. Для выполнения этой задачи требовалось назначить ответственного чиновника, который мог бы предоставлять точную и актуальную информацию о ситуации в степи, отсеивать недостоверные слухи и своевременно передавать наиболее надежные данные, полученные от казахских лазутчиков. В этом контексте одной из ключевых фигур, сыгравших значительную роль в сборе сведений, является востоковед и титулярный советник Иосиф Яковлевич Осмоловский (1820–1862 гг.), чье имя редко упоминается в военной истории Российской империи.

Статья, раскрывая деятельность И.Я. Осмоловского по сбору информации о среднеазиатских ханствах, стремится показать, каким образом российская администрация привлекала казахов к сотрудничеству, а также каким образом собранные сведения влияли на военные экспедиции Российской империи в 50–60-х годах XIX века. Результаты исследования демонстрируют, что руководство Российской империи в процессе планирования военных экспедиций значительно зависело от данных, предоставленных местным населением. Их сведения о противнике позволяли оптимизировать тактические подходы и временные рамки проведения военных экспедиций. Таким образом, военные экспедиции Российской империи в Средней Азии следует рассматривать не только в контексте боевых действий, но и как результат взаимодействия с местными казахами и использования информации, что стало важным инструментом среднеазиатской политики и завоевания Кокандского ханства.

2. Методы и материалы

Источниковой базой исследования являются материалы, хранящиеся в Государственном архиве Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация), Российском государственном военно-историческом архиве (Москва, Российская Федерация), а также в Центральном государственном архиве Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан). Среди них – многочисленные официальные переписки, личные письма и официальные доклады, содержащие подробную информацию о деятельности Осмоловского, о его взаимодействиях с местными казахскими элитами, а также о военных действиях в Средней Азии.

Кроме того, значительный вклад в исследование внесли вторичные источники, среди которых работы имперских чиновников того времени, освещающие роль Осмоловского в контексте внешней политики Российской империи. Особое внимание уделено воспоминаниям современников и историческим очеркам. Таким образом, исследование основывается на комплексном анализе различных типов источников, что позволяет восстановить точную картину деятельности И.Я. Осмоловского и оценить его вклад в развитие системы сбора информации Российской империи в Средней Азии, а также оценить влияние собранных данных на военные экспедиции и действия. Этот подход позволяет глубже понять, каким образом сведения, собранные Осмоловским и казахскими лазутчиками, способствовали принятию стратегических решений в ходе военных походов.

Статья опирается на историко-аналитический метод, сочетающий несколько ключевых исследовательских подходов. Центральным элементом исследования стал детальный анализ архивных материалов, что позволило обратиться к первоисточникам. В качестве базовых источников были использованы официальные документы, донесения и отчеты чиновников, предоставляющие ценные сведения для реконструкции исторических событий, а также для глубокого понимания их политического и социального контекста.

Особое внимание в работе уделено биографическому подходу, который фокусируется на исследовании жизни и профессиональной деятельности Иосифа Осмоловского. Этот подход позволил не только рассмотреть вклад Осмоловского в российскую политику в Средней Азии, но и дать оценку его роли в стратегическом планировании и реализации имперской политики в регионе. Благодаря сочетанию анализа источников и персонализированного подхода удалось получить многогранное представление о взаимодействии локальных и государственных факторов в ходе российских завоеваний.

3. Обсуждение

Иосиф Яковлевич Осмоловский – фигура, привлекающая внимание лишь немногих исследователей. Большинство из них фокусируется преимущественно на его работе по кодификации казахского права в контексте адаптации региональной правовой системы к нормам Российской империи. Однако его деятельность, связанная со сбором разведывательной информации о Средней Азии, остается практически не изученной. В данном разделе рассмотрим ключевые исследования, посвященные личности Осмоловского и его вкладу в расширение российского влияния в Средней Азии.

Первоначальные упоминания об Осмоловском можно найти в трудах его современников, таких как А.И. Макшеев (Макшеев, 1896), М.В. Дандевиль (Дандевиль, 1908) и И.Ф. Бларамберг (Бларамберг, 1978). Эти авторы кратко освещают его участие в процессе установления российского контроля на Сырдарье, делая акцент преимущественно на его административной деятельности. Тем не менее аналитический аспект работы Осмоловского, связанный с изучением и сбором сведений о регионе, либо не рассматривается вовсе, либо упоминается лишь поверхностно. Указанные труды, написанные в основном в жанре мемуаров, представляют значительный интерес, но требуют тщательного критического анализа для более точной реконструкции роли Осмоловского в обеспечении российских военных экспедиций.

В советской и постсоветской историографии личность Осмоловского начала получать больше внимания благодаря трудам В.З. Галиева. Галиев акцентирует внимание на роли Осмоловского в кодификации казахских обычаев в рамках российского законодательства. Исследование подчеркивает его значимость в адаптации адата к имперским нормам, однако вопросы, связанные с его деятельностью по сбору информации, остаются в тени (Galiev, 1996).

Наиболее полная биография Осмоловского представлена в работах П. Сартори и П. Шаблея. Авторы детально анализируют его взаимодействие с казахским обществом, включая вопросы казахского обычного права и совмещения адата с нормами шариата. Однако аспекты, связанные с деятельностью сбора данных о Средней Азии, остаются второстепенными в их трудах (Сартори, Шаблей, 2015; Сартори, Шаблей, 2019).

В Польской энциклопедии под редакцией А. Кучиньского Осмоловскому посвящена отдельная статья, в которой акцентируется внимание на его лингвистических и культурологических компетенциях (Kuczyński, 2014). В тексте подчеркивается его глубокое знание казахской культуры, что значительно облегчало взаимодействие с местной знатью и способствовало укреплению доверия.

Работа Г.С. Султангалиевой посвящена изучению механизмов кооптации казахской элиты для интеграции местных лидеров в имперскую административную систему. Автор подчеркивает роль личных качеств Осмоловского: знание обычаев и умение находить общий язык с представителями казахской знати (Sultangalieva, 2018). Особенно ценным для анализа является статья Султангалиевой и Суйновой. В этой работе исследуется процесс формирования колониальных знаний о казахской степи. Авторы выделяют три категории источников информации. Во-первых, это военные и гражданские чиновники, систематически собирающие сведения о географических, экономических и политических аспектах региона. Во-вторых, – татарские муллы и писцы, служившие как посредники между имперскими чиновниками и казахской элитой. В-третьих, – обычные казахи, а именно караванщики и проводники, чьи знания передавались спонтанно, но оказывали существенное влияние на формирование представлений о регионе (Султангалиева, Суйнова, 2022).

Сборник документов под редакцией Б.Т. Жанаева «О слухах и событиях в Средней Азии» раскрывает деятельность Осмоловского по сбору информации через рапорты и донесения о политической и военной обстановке в ханствах Средней Азии (Жанаев, 2016). Несмотря на ценность этих сведений, сборник не претендует на глубокий анализ действий Осмоловского. В начале сборника содержится вводная статья, посвященная его деятельности, в которой отмечается его роль в сборе информации о Средней Азии. Однако эта статья представляет собой лишь краткое ознакомление с деятельностью Осмоловского и не затрагивает более глубокий анализ его работы, оставаясь вводной для читателей сборника.

На данный момент в научной среде отсутствует комплексный анализ роли Осмоловского в процессе российского продвижения в Среднюю Азию. Его участие в получении стратегически важных данных остается малоизученным. Это представляет собой значительный пробел, так как его деятельность по сбору информации играла важную роль в планировании военных кампаний и укреплении контроля над Средней Азией. Актуальной задачей является детальное исследование методов, мотивов и последствий его работы по сбору данных.

4. Результаты

Иосиф Яковлевич Осмоловский родился 9 сентября 1820 г. в дворянской семье Осмоловских, в Сужарском уезде Витебской губернии. После переезда семейства Осмоловских в Астрахань Иосиф в 1836-м году поступает в Астраханскую мужскую гимназию, далее по ее окончании в 1839 году продолжал учебу на юридическом факультете Казанского университета. В сентябре 1840 г. Осмоловский поступает на восточный разряд Казанского университета по персидско-арабской словесности. В особенности Осмоловский преуспевал в знаниях латинского и персидского языков

(Сартори, Шаблей, 2019: 58-59). Научная деятельность и знания нескольких языков способствовали тому, что на него обратил внимание Азиатский департамент Министерства иностранных дел, который искал подготовленного выпускника для замещения должности переводчика с татарского языка. Таким образом, оказавшись в Санкт-Петербурге, в марте 1848 года Осмоловский был командирован в Оренбургскую пограничную комиссию, где был призван решить кадровые проблемы российской администрации и реализовать реформы по управлению казахов Оренбургского ведомства (Сартори, Шаблей, 2019: 62).

Прежде чем Осмоловский начал принимать активное участие в военных экспедициях под начальством генерал-адъютанта Василия Алексеевича Перовского, первое свое сношение с представителями казахской общины он начал со сбора казахского обычного права. Планы по кодификации адата у казахов предполагали необходимость изучения казахского языка и чагатайской письменности. Таким образом, Осмоловский имел тесные взаимоотношения с влиятельными казахскими биями, старшинами и султанами (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2382. Л. 152об.).

В начале 1852 года в Кокандском ханстве вспыхнула гражданская война между кипчакскими элитами. Информация о происходящем поступала в Оренбургскую администрацию через казахские источники в основном в виде слухов (РГВИА. Ф. 1449. Оп. 1. Д. 12. Л. 1-2). Генерал-губернатор В.А. Перовский воспринял эти данные как подходящий момент для активизации военных действий, направленных на захват кокандских крепостей на Сырдарье. Это решение гармонировало с планом, предложенным годом ранее генерал-адъютантом Николаем Николаевичем Анненковым. Анненков предлагал расширение российских позиций через объединение Оренбургской и Сибирской линий с укреплением левого фланга на реках Или и Чу, а правого – на Сырдарье (Терентьев, 1906: 203).

В условиях внутривосточного кризиса в ханстве Перовский в 1852 году отправил топографа Генерального штаба И.Ф. Бларамберга с поручением провести рекогносцировку от Аральского укрепления до Акмечети и попытаться уничтожить кокандские крепости (РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 30. Л. 17-18). Участие Осмоловского в этих событиях началось в качестве драгомана в составе отряда Бларамберга. В экспедиции также принимали участие управляющий казахами рода Шекты Бекмурза Алдеев, который за свои заслуги впоследствии был произведен в чин «хорунжего» (РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 30. Л. 101). Во время экспедиции Осмоловский и группа казахов получили задание обследовать окрестности другой кокандской крепости, Чим-Курган, чтобы установить наличие гарнизона. В случае, если крепость оставалась под контролем кокандцев, они должны были блокировать ее, предотвращая любое передвижение (Бларамберг, 1978: 310). Штурм Акмечети, предпринятый в июле 1852 года, завершился неудачей из-за отсутствия осадного оборудования (Терентьев, 1906: 216). После этого возникла необходимость в переговорах с кокандским комендантом. В ходе этих переговоров Осмоловский, исполняя обязанности драгомана, составил письмо, заверенное личной печатью Бларамберга (Бларамберг, 1978: 322). Позже действия Осмоловского получили высокую оценку Перовского, который отмечал, что без помощи «этого выдающегося чиновника» полковник Бларамберг столкнулся бы с серьезными трудностями при взаимодействии с кокандской стороной (Сартори, Шаблей, 2019: 65).

Тем временем в Оренбург продолжала поступать информация о внутривосточных конфликтах в Кокандском ханстве. Хотя сведения, получаемые от казахов, зачастую представляли собой слухи с противоречивыми деталями, Перовский осознавал исключительную важность точных данных о ситуации в ханстве, особенно в преддверии новой военной экспедиции против Акмечети. Очевидной становилась необходимость радикального пересмотра подхода к сбору сведений. Требовался ответственный человек, способный находиться среди казахов, отсеивать неподтвержденные слухи и передавать достоверные сведения. В поисках подходящей кандидатуры Перовский обратился в Оренбургскую пограничную комиссию. Выбор пал на Осмоловского, который ранее имел опыт взаимодействия с казахами и хорошо знал их обычаи. В докладе, направленном Перовскому 31 марта 1853 года, Ладыженский высоко оценил Осмоловского, отметив, что он «отлично владеет азиатскими языками, хорошо знаком с нравами и обычаями киргизов и на протяжении пяти лет жил в их кочевьях» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6798. Л. 4).

До прибытия Осмоловского в степь основным источником информации для оренбургской администрации служили донесения султана Илекея Касымова, управлявшего казахами чумекеевского рода. Его ставка располагалась неподалеку от Уральского укрепления. В условиях надвигающегося штурма кокандское правительство пыталось склонить чумекеевских казахов на свою сторону, отправив к ним бия жаппасского рода Джанкакабыла Тюлегенова. По словам Илекея, этот бий распространял «возмутительные письма с приглашением переселиться в кокандские владения». Одно из таких писем, перехваченное султаном, он предоставил в распоряжение оренбургской администрации: «Я честь имею представить их...» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 108).

Аналогичные попытки агитации среди присырдарьинских казахов предпринимались и хивинскими властями. В январе 1853 года, согласно донесению Илекея, хивинский военачальник Ходжа Нияз отправил четыре письма влиятельным представителям чумекеевского рода. В них содержались предложения переселиться ближе к укреплению Ходжа-Нияз на Куване: «...закрывающие в себе приглашение прикочевать ближе к укреплению...» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1.

Д. 3628. Л. 123-125об.).

В том же месяце лазутчик, направленный Илекеем в кокандскую крепость Акмечеть, сообщил о наличии там вооруженных сил численностью 1 500 человек. В это же время в хивинской крепости Ходжа-Нияз находились 200 бойцов, а по распоряжению хивинского хана туда прибыло дополнительно 500 вооруженных солдат (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 21-210б.).

Сотрудничество Илекея с оренбургскими властями проявлялось в его регулярных подробных отчетах о ситуации в степи, а также об обстановке в Кокандском ханстве. После первого контакта с М.В. Ладыженским Илекей продолжал делиться ценной информацией. Так, 8 января 1853 года он отправил Ладыженскому обстоятельное письмо, в котором описывал последние события в крепости Акмечеть. Предвидя возможность нападения со стороны кокандцев, Илекей организовал охрану поселения, разместив там отряд из 400 человек под командованием султана Базара Саукумова. Этот шаг позволял оперативно передавать сведения майору Федору Федоровичу Энгману, начальнику Аральского укрепления, о потенциальных атаках кокандских сил. Такой подход обеспечивал своевременную подготовку к оборонительным действиям (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 55-56).

Необходимость системного подхода к сбору сведений стала очевидной для Перовского на основе негативного опыта Хивинской экспедиции 1839 года, инициатором которой он был. Одной из основных причин провала этой кампании стало отсутствие организованной системы сбора данных. Участник экспедиции М.И. Иванин отмечал: «Мы тогда еще плохо знали Среднюю Азию и те условия, которые могли бы способствовать или помешать успеху этого похода» (Иванин, 1874: 2).

Только в 1847 году, с основанием Раимского укрепления близ Аральского моря, Оренбургская пограничная комиссия начала уделять больше внимания созданию сети сборщиков информации из числа местных кочевых казахов. Эти информаторы работали по установленным порядкам и получали годовое жалованье. Так, 16 мая 1847 года Оренбургский военный губернатор Владимир Афанасьевич Обручев предписал майору Базанину «обращать внимание на приобретение хороших сборщиков сведений из преданных нам киргизов... и получать данные о происходящем в степи». На это было выделено 400 рублей ежегодно для оплаты труда информаторов и организации связи с укреплениями (РГВИА. Ф. 67. Оп. 1. Д. 87. Л. 1-210б.).

Впоследствии Раимское укрепление, переименованное в Аральское, стало играть ключевую роль в деятельности по сбору информации, а информаторы из числа казахов часто получали поощрения за предоставленные сведения. Сведения о набегах и перемещениях противника собирались различными способами: через допросы проезжающих торговцев и кочевников, а также посредством активной вербовки казахов для сбора данных. Если информаторы были грамотными, они составляли письменные отчеты на чагатайском языке, в противном случае их показания записывались устно. Обязанности сборщиков данных варьировались от передачи слухов и сведений в степи до участия в глубоких миссиях на территории ханств, что нередко сопрягалось с высоким риском для их жизни. К 1851 году стандартное жалованье таких сборщиков составляло от 8 до 12 рублей серебром в месяц. Помимо денежных выплат, они получали продовольственный паек, включавший один фунт мяса и два фунта зерна. За выдающиеся заслуги предусматривались специальные награды, что стимулировало их активное участие в сборе сведений (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2614. Л. 7 об.).

Осмоловский отправился в свою миссию из Оренбурга 22 марта 1853 года, а 27 марта выехал из Орска. Перед его отъездом генерал-губернатор Перовский приказом от 20 марта официально представил Осмоловского султану Илекею Касымову. В данном распоряжении Перовский подчеркнул необходимость установления полного доверия и честного взаимодействия между Илекеем и Осмоловским, акцентируя внимание на том, что указания последнего будут соответствовать интересам российского правительства и способствовать благу как казахов, так и самого султана. Кроме того, Осмоловскому предписывалось временно не обращать внимания на возможные обманные действия хивинцев с целью поддержания мирных отношений и устранения их опасений относительно предполагаемых наступательных действий русской армии (Материалы..., 1913: 543).

Для осуществления миссии Осмоловскому было предоставлено существенное финансирование, которое включало 200 рублей для покрытия дорожных расходов на маршруте от Орской крепости до Аральского укрепления с учетом посещения казахских аулов, а также 400 рублей для оплаты подвозки. Кроме того, 700 рублей серебром было выделено на непредвиденные расходы, включая организацию приемов для местных ордынцев, приобретение подарков, оплату деятельности лазутчиков и иные чрезвычайные траты. Логистическое обеспечение миссии предусматривало предоставление фуража для лошадей, организуемого командирами укреплений, расположенных на пути следования Осмоловского. Для обеспечения безопасности миссии его сопровождали один урядник, четыре казака и казахский старшина. При необходимости посещения казахских аулов Осмоловскому было разрешено формировать временные конвои, а также отправлять срочные донесения о движении противника в ближайшие укрепления (Материалы..., 1913: 543).

Главной целью миссии Осмоловского являлся сбор детальной информации о политической, социальной и военной ситуации в районе реки Сырдарья и на территории Кокандского ханства. Для систематизации усилий в этом направлении Оренбургская администрация разработала

специальную программу, включавшую тринадцать вопросов, которые передавались казахским султанам и родоправителям для дальнейшего исполнения через их представителей (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6798. Л. 14-17). Эти вопросы были направлены на получение исчерпывающих сведений о военной мощи и численности войск в Акмечети, о состоянии укреплений, а также о наличии внутренних конфликтов в Кокандском ханстве. Помимо этого, программа предусматривала сбор данных о возможных угрозах со стороны соседних государств (Хива и Бухара), что позволило бы сформировать более полное представление о политической стабильности региона и его отношениях с местным населением.

Поначалу его деятельность была сосредоточена в районе Уральского укрепления, которое он считал более подходящей базой для сбора данных, чем Аральское укрепление. Близость к влиятельным местным фигурам, включая султана Илекея, сделала это место идеальным для проведения операций. В письме к Перовскому Осмоловский описал свое прибытие в Уральское укрепление 13 апреля и объяснил свое решение остаться там, отмечая преимущества, которые это место предоставляло для сбора сведений. Он сообщил о собранной информации, подчеркнув стратегическую значимость местоположения и удобство сбора данных в этом районе (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 287-288). Правда, характер отношений между Осмоловским и султаном Илекеем имел неприязненный характер, по воспоминаниям переводчика Оренбургской Пограничной Комиссии Искандера Батыршина, который писал о том, что Илекей не любил совместничества, и «доказательством этому служит то, что он не любит г. Осмоловского, который, находясь с ним вместе в прошлую весну, останавливал его от некоторых поступков, и за то не понравился ему и нелюбим им». Но, несмотря на это, никакого вреда делу это не принесло. Подчеркивая ум и влияние султана Илекея, Батыршин отмечал его значимую пользу как в сборе сведений, так и в предоставлении людей (История Казахстана..., 2012: 354).

Прибыв в степь, Осмоловский сразу приступил к сбору информации, используя, в частности, сведения, предоставляемые лазутчиками султана Илекея. В этот период начали поступать слухи о возможном союзе между кокандцами и хивинцами против русской экспедиции с предполагаемым нападением на Аральское укрепление. Однако в своем отчете, направленном в Оренбург, Осмоловский подчеркнул, что, несмотря на циркулирующие слухи, не было подтвержденных данных о совместных планах нападения хивинцев и кокандцев на русские степные укрепления. Вместе с тем он отметил, что кокандцы, обеспокоенные возможным русским вторжением вдоль Сырдарьи, активизировали укрепление своей обороны и искали союзников, включая хивинцев (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 345-349).

Генерал-губернатор Перовский, осознавая потенциальную угрозу союза Хивы и Коканда, понимал его возможные серьезные последствия для российской военной экспедиции. В связи с этим он довел свои опасения до военного министра, представив различные сценарии развития событий и меры противодействия. Среди предложений Перовского на случай нападения хивинцев был план переправы через Сырдарью с целью захвата хивинского укрепления Ходжа-Нияз, после чего войска должны были продвинуться к Акмечети. Император, поддержав предложенные меры, рекомендовал создать «летучий отряд» для наблюдения за хивинскими действиями с той стороны, откуда могло ожидать их появление, отметив, что это станет наиболее эффективным способом обеспечения успешного выполнения экспедиционных задач (РГВИА. Ф. 67. Оп. 1. Д. 46. Л. 7).

Несмотря на первоначальный скептицизм Перовского относительно информации, поступавшей от казахских лазутчиков, большинство предоставленных ими сведений оказалось точным. 25 мая 1853 года Осмоловский передал Перовскому данные, полученные от казахского лазутчика, отправленного Илекеем в Акмечеть. Лазутчик сообщил, что гарнизон состоял примерно из 300 человек и был оснащен двумя пушками (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 219. Л. 2-20б.). Эти сведения оказались полностью совпадающими с тем, что было обнаружено после взятия Акмечети русскими, где действительно находились две пушки, фальконет и несколько сотен винтовок разных типов (Материалы..., 1913: 556).

С начала мая 1853 года, после выезда Перовского из Оренбурга для проведения операции по взятию Акмечети, он регулярно получал отчеты от Осмоловского о политической ситуации в Кокандском ханстве, где происходила интенсивная борьба между Кокандом и Ташкентом (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 288). Сведения, поступавшие от лазутчиков, рисовали картину дезорганизованности в ханстве. Подтверждалось, что внутренние распри и конфликты сильно ослабили руководство Коканда, которое было неспособно организовать сопротивление российскому наступлению. Постоянный поток такой информации укреплял уверенность Перовского в успешном исходе кампании, поскольку вероятность активного сопротивления со стороны Коканда становилась крайне низкой.

К июлю 1853 года русские войска, состоявшие из 2 252 пехотинцев, 97 офицеров и 200 казахов, под командованием султана Илекея достигли стен Акмечети (Макшеев, 1896: 218). На тот момент Перовский был полностью осведомлен о внутренних проблемах, дестабилизировавших Кокандское ханство, что позволило ему выработать тщательно продуманный и сдержанный подход к осаде. В результате крепость Акмечеть была взята 28 июля в 4 часа утра, а спустя месяц, 26 августа, по указу Императора она была переименована в форт «Перовский» (РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 33. Л. 27-270б.).

После взятия Акмечети Осмоловский в августе 1853 года, согласно предписанию Перовского, получил должность «заведующего всеми казахами, кочующими по побережьям Сыра на пространстве от крепости Акмечеть и выше до укрепления Аральского включительно» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6738. Л. 1). На этой позиции Осмоловскому было позволено вести частные переписки с комендантами кокандских и хивинских крепостей. Однако проведение самостоятельных переговоров с властями среднеазиатских ханств строго запрещалось. Он был обязан сообщать о всех поступивших донесениях непосредственно генерал-губернатору, минуя руководство укреплений Сырдарьинской линии.

Вместе с тем султан Илекей за усердное содействие в военной экспедиции в сентябре 1853 года награжден был золотой медалью, а в ноябре по повелению императора произведен в звание войскового старшины (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2724. Л. 92). В дополнение к этому в июле 1854 года Илекею было назначено жалованье в размере 200 рублей в год (ЦГА РК. Ф. 383. Оп. 1. Д. 7. Л. 1). Подобная процедура проводилась исключительно в целях укрепления взаимоотношений казахских старшин с представителями русской власти с акцентом на то, что после завоеваний Акмечети ситуация в степи лишь накалилась, и подача достоверной и своевременной информации требовала больших усилий со стороны казахов. Так, Осмоловский уже в должности заведующего писал Перовскому о том, что казахи просили записать их имена и прозвания, «чтобы при всякой надобности мог бы я употребить их на службу и для исполнения различных поручений» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6837. Л. 4).

После взятия Акмечети по распоряжению Осмоловского в Туркестан и Ташкент были отправлены казахские лазутчики. Согласно их докладам начальники местных гарнизонов стали подвозить значительные объемы продовольствия и укреплять свои города, приводя их в состояние готовности к обороне (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 219. Л. 87-870б.). Кокандцы были намерены отвоевать его, для чего в Ташкенте началось формирование войска, которое должно было выступить в направлении Туркестана во главе с самим Кокандским ханом Худояром (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 219. Л. 127-1270б.). Насколько верны были эти слухи, варьировалось также от допросов разных торговцев. Для подтверждения этих донесений из Туркестана по вызову Осмоловского прибыли бухарские купцы, которые уверяли, что во время пребывания их в Туркестане не было слышно ни о наборе войск, ни о приготовлении к войне (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 219. Л. 109-110). Позже возвратившиеся из Туркестана лазутчики подтвердили, что крупные подвозы продовольствия имели лишь торговые цели, а слухи о намерении Худояра приехать в Туркестан являлись ложными (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 219. Л. 119-120).

Как бы то ни было, Осмоловский прекрасно осознавал решимость кокандцев пойти войском на Акмечеть. Так, слухи о формировании войск в Ташкенте были подтверждены казахскими лазутчиками ездившие в Бухару по торговой части. По полученным от 24 ноября 1853 года сведениям, часть сформированного в Ташкенте войска под командованием Якуп-бека уже направилась в сторону Туркестана, поэтому Осмоловский уведомил исполняющего обязанности генерал-губернатора Оренбурга, Николая Васильевича Балкашина о том, что «хотя это известие нельзя считать за совершенное справедливое, но на случай внезапных нападений на наших аулов распорядился везде усилить вооруженным казахам караулы» (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 219. Л. 149-150). Также по распоряжению Осмоловского в окрестностях Джулека был сформирован разведывательный пикет из 150-ти конных казахов (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 219. Л. 119-120).

Вечером 1 декабря 1853 года от лазутчиков было получено известие о том, что кокандское войско в числе 12 тысяч вышло из Туркестана и достигло крепости Джулек (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 219. Л. 151). Достоверность сведений о столь значительном количестве войск вызвала сомнения. Перед Осмоловским стоял ряд противоречащих вопросов, поскольку никаких сведений из разведывательного пикета, расположенного при укреплениях Джулека, об этой ситуации в форт не поступало. Тем не менее эти сведения достигли Перовского, который незамедлительно проинформировал об этом военного министра Василия Андреевича Долгорукова. В рапорте, адресованном на имя военного министра, Перовский выразил мнение о том, что, несмотря на многочисленность кокандцев, попытки овладеть фортом окончатся рассеянием их скопищ, для чего приказал подполковнику Огареву сформировать отряд (РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 33. Л. 137-141).

Развеять слухи о многочисленности кокандских войск Осмоловский мог лишь исходя из донесения тех же казахских торговцев, ездивших в Бухару. По полученным им сведениям от 1 декабря, хан Кокандский не в состоянии был вывести войска из-за не прекращающихся внутренних беспорядков. Он отправил посланников в Бухару с целью вовлечь их в войну с русскими, однако, по уверениям лазутчиков, бухарский Эмир не обращал внимания на эти посольства (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 219. Л. 149-150). В действительности же число кокандских войск не превышало двух тысяч. Навстречу им вышел отряд под командованием подполковника Огарева из 80 казахов, 45 башкирцев и 200 казахов. При одном легком орудии они оказались в силах отразить это наступление (РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 33. Л. 143-1450б.).

Успех исходил не столько от способности Осмоловского анализировать слухи, сколько от его крепкого взаимодействия с казахским обществом, значимость которого он прекрасно осознавал. Для поощрения благонамеренной их службы Осмоловский от 15 марта 1855 года предоставил рапорт на

имя Перовского с представлением к награждению казахов старшин и биев, отмечая, что их заслуги «нельзя сравнивать с заслугами прочих киргизов Оренбургского ведомства». Осмоловский тем самым выразил надежду на то, что награждение этих казахов станет «сильным поощрением к дальнейшей ревностной службе как этих представляемых ордынцев, так и прочих киргизов» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7077. Л. 1-3).

Смирившись с потерей крепостей в Сырдарье и не имея достаточных сил и средств для противостояния русским, кокандский хан Худояр начал готовиться к защите своих городов. Попытки Худояра вовлечь в войну хивинцев и бухарцев не увенчались успехом. Согласно донесению Осмоловского, Хивинский хан был болен и до своего выздоровления не мог принять никаких решений. А бухарский эмир, стремясь не испортить торговые отношения с русскими, от которых зависела экономика страны, также не желал вмешиваться в дела Коканда. Убедившись в неблагоприятном политическом положении кокандского ханства, Осмоловский в своем докладе от 1 июля 1854 года сообщил в Оренбургскую пограничную комиссию о том, что на тот момент численность гарнизона в Туркестане не превышала 80 человек, а в самом Ташкенте насчитывалось всего 400. Выдвигая инициативу овладения Туркестаном, Осмоловский подчеркивал необходимость этого шага, утверждая, что кокандцы, не шадя своих сил, будут неоднократно беспокоить форт Перовский. Нападение на него, по слухам, ожидалось уже в августе того года (ЦГА РК. Ф. 383. Оп. 1. Д. 1. Л. 650б.).

Причины, по которым Российская империя не могла воспользоваться положением в Коканде, были связаны с тем, что все силы правительства были скованы в боевых действиях на Балканах, на Крымской войне (1853–1856 гг.). С момента вступления России в крымскую войну внимание военного министерства было обращено на запад. Все дела в средней Азии курировал Осмоловский. На протяжении трех лет он с отличным успехом по прежнему порядку продолжал докладывать напрямую генерал-губернатору. Большой объем информации, полученной в период Крымской войны, поступал из Бухары и Хивы, где наблюдалась активная деятельность иностранных агентов (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 219. Л. 274).

Вскоре по окончании Крымской войны, по утверждению императора Александра II, 14 августа 1856 года Осмоловский удостоился официального должностного повышения, впредь представляясь как «старший чиновник Министерства иностранных дел» (РГВИА. Ф. 67. Оп. 1. Д. 66. Л. 12). Однако с приходом нового Оренбургского и самарского генерал-губернатора Александра Андреевича Катенина Осмоловский был переведен в подчинение командующему Сырдарьинской линией Александру Логиновичу Данзасу. Переход этот был обусловлен тем, что большой объем информации, отправляемой Осмоловским, должен был быть реформирован самим Данзасом «для сокращения переписки» (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 84. Л. 93).

Так, направляя сведения Данзасу о положении дел в Коканде, Осмоловский доносил о попытках Худояра завладеть бухарским городом Ура-Тюбе. Данный город находился в приграничной территории, но был полностью разбит войском Эмира. Более того, казахи конрадского рода в числе 500 кибиток, спасаясь от насилий кокандцев, уезжали в Бухару (ЦГА РК. Ф. 382. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 164-164об.). Приехавший из Ташкента для закупки баранов сын начальника Джанкабыла Тюлегенова докладывал о том, что кокандцы «прервали всякие сношения с бухарцами после поражения своего при Уратюбе» (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 87. Л. 8-8об.). Осмоловский отметил, что беки Туркестана и Ташкента живут независимо от Худояра, тем самым подчеркнув о подрыве его ханского положения. Многие значительные лица хотели отправить послов для заключения мира с русскими (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 84. Л. 90-90об.).

В конце концов, Кокандское ханство во главе с Худояром было уже не в силах сопоставить значительных сил. В ноябре 1858 года Осмоловский представил сведения Данзасу о начавшейся очередной гражданской войне в Коканде. Старший брат Худояра, Малла бек, несколько раз и прежде покушавшийся свергнуть его, окончательно взял власть в свои руки, разбив войско Худояра и обратив его бегство. Осмоловский, обращаясь к Данзасу, выразил мнение: «в настоящее время теряем... влияния на кокандцев, которое приобрели невольным вмешательством в их смуты» и чтобы не потерять это влияния полностью, счел необходимым «принять решительные меры к прочному занятию края...» (РГВИА. Ф. 67. Оп. 1. Д. 122. Л. 58-67об.). Сведения, собранные Осмоловским от 29 ноября 1858 года, были представлены Данзасом генерал-губернатору Катенину.

Катенин, опираясь на информацию, полученную от Данзаса, предложил Санкт-Петербургу решить давнюю проблему на сырдарьинском фронтире, объединяя Сырдарьинскую линию с Западно-Сибирской путем продвижения на юг через Джулек, Яны-Курган и Аулие-Ату к Ташкенту. В письме от 6 декабря 1858 г. Катенин предложил конкретную программу по продвижению на юг Средней Азии, настаивая на завоевания укрепления Джулек, о котором еще в январе того же года Осмоловский докладывал Данзасу. Он говорил «о необходимости занять Джулек» для возведения форта, который, по соображениям Катенина, служил бы опорным пунктом для подготовки к выходу в Туркестан, Чимкент, Аулие-Ата с последующим движением к Ташкенту (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 87. Л. 46-46об.). Его поддержал Густав Христианович Гасфорт, губернатор Западной Сибири, который в январе 1859 года сообщил в Санкт-Петербург о необходимости дальнейшего продвижения на сибирском направлении для захвата

кокандских крепостей Токмак, Пишпек, Аулие-Ата, Сузак и верховий реки Чу «с целью объединения южной передовой линии Западной Сибири с Оренбургской на Сырдарье... и получения твердой государственной границы» (РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 51. Т. 2. Л. 4-50б.). Таким образом, уже в 1859 году звучали призывы к аннексии Ташкента, хотя все еще велись ожесточенные споры о том, насколько это необходимо или целесообразно.

В 1859 году Осмоловский подготовил обширную записку о положении России в Средней Азии, где обсуждал конкуренцию между британскими и российскими товарами на бухарском рынке. Тем не менее он пришел к выводу о том, что как бы полезны ни были некоторые среднеазиатские продукты, «независимо от всех успехов в этом направлении, низкая численность населения среднеазиатских ханств всегда будет причиной, по которой наша торговля с ними не сможет развиваться в крупных масштабах». Вместо этого он считал торговлю с Китайским Туркестаном гораздо более перспективной. Однако для проникновения на этот рынок было необходимо дальнейшее продвижение к Ташкенту: «Для укрепления нашей торговли с Китайским Туркестаном необходимо утвердить наше господство не в степи среди кочующих, а в оседлых районах, прилегающих к Ташкенту, которые мы могли бы быстро развить как перевалочный пункт и центр нашей среднеазиатской торговли» (РГВИА. Ф. 1433. Оп. 1. Д. 7. Л. 12-15; РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 96. Л. 147-150об.).

Для полноценного продвижения на юг необходимо было занять крепость Джулек. Эта инициатива была выдвинута Осмоловским, с его мнением согласился командующий сырдарьинской линией А.Л. Данзас. Но в рапорте от 29 января 1858 года, адресованном Катенину, Данзас писал следующее: «я совершенно разделяю мнение г. Осмоловского о необходимости занять Джулек, но в настоящих обстоятельствах это совершенно невозможно», так как все средства должны быть употреблены на приведение в оборонительное состояние форта Перовский (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 87. Л. 46-46об.). Так, Катенин в мае 1858 года лично отправился в казахскую степь для осмотра состояния укреплений Сырдарьинской линий. В августе того же года по прибытии в форт Перовский Катенин писал в Военное министерство: «Генерал-Адъютант Катенин, по слабости военных средств на Сырдарьинской линии не имея возможности исполнить просьбу казахов, разрешил им самим преследовать коканские шайки... обещая поддержать их отрядами, высылаемыми из форта Перовский» (РГВИА. Ф. 38. Оп. 8. Д. 1. Л. 73об.). Когда занятия Джулека оставались лишь вопросом времени, Осмоловский как заведующий присырдарьинскими казаками выставил отряд для караулов в Яныдарье под начальством войскового старшины султана Илекея. Позже, 26 февраля 1859 года, Осмоловский докладывал, что отряд Илекея Касымова, ограбив аулы коканского ведомства, произвел на них большой страх, на что новый хан Коканда Малла бек тотчас же приказал прекратить все неприязненные отношения с русскими (ЦГА РК. Ф. 382. Оп. 1. Д. 5. Т. 2. Л. 353-354).

Подготовка к самой экспедиции для возведения укрепления Джулек началась в ноябре 1860–го года, когда в форт Перовский из Оренбурга прибыло 200 человек пехоты (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 116. Л. 4). В марте 1861 года отряд в числе более 1 500 человек во главе генерал-лейтенанта Александра Осиповича Дебу вышел в направлении Джулека. Для разведывательного пикета и разъездов было выделено 100 казахских конниц под начальством султана Илекея (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 116. Л. 83-86об.). Тем временем Осмоловский, находясь в форте Перовском, принимал у себя лазутчиков, возвратившихся из Туркестана и Ташкента и отправленных для наблюдения за движением коканского военачальника Канаата. Стало известно от прибывших в начале марта из Туркестана казахов, а также о том, что в город подвозится большое количество провианта и что на казахов, кочующих в окрестностях Туркестана, была возложена обязанность собрать до 2 тыс. верблюдов. А из Ташкента дошли слухи, что Канаат, сформировав до 4 тысяч войск, намерен выступить в поход под Джулек и со всем ополчением обещал прибыть в Туркестан (ЦГА РК. Ф. 383. Оп. 1. Д. 113. Л. 87). Другие лазутчики, прибывшие в начале апреля, докладывали Осмоловскому, что туркестанский бек Чады-бек предписал яныкурганскому Ходжа-беку выставить караулы по направлению к Джулеку в 30-ти километрах от Яны-Кургана «для наблюдения за русским отрядом, должествующим выступить к Джулеку, и вообще наблюдать, чтобы не было сообщений между коканскими крепостями и фортом Перовский» (ЦГА РК. Ф. 383. Оп. 1. Д. 113. Л. 89-89об.).

Крепость Джулек была взята 14 апреля 1861 года, о чем было доложено военному министру, а 18 числа того же месяца на работу для возведения укрепления в ней было выслано 700 человек. В окрестностях занятой крепости генерал Дебу распорядился выставить наблюдательный пост (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 116. Л. 143). Наблюдательный пост, состоящий из казахов, донес сведения о том, что в Яныкурган прибыло 200 конных и 100 пеших кокандцев (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 116. Л. 145-146). Казахи кипчакского рода, прибывшие из Туркестана, доложили, что кокандцы во главе с Нармухаммедом занимаются сбором войск на оборону Яны-Кургана. Здесь Осмоловский отметил, что крепость Яны-Курган по своему устройству «служит оплотом Туркестану, который по своей обширности долго продержаться не может». Осмоловский выразил мнение, что, если кокандцы потеряют Яны-Курган, то не будут в состоянии удержать казахов, кочующих по окраинам Каратауских гор (ЦГА РК. Ф. 383. Оп. 1. Д. 113. Л. 115-115об.).

О намерениях овладеть Яны-Курганом Дебу говорил еще в начале года рапортом от 19 февраля 1861 года на имя Оренбургского и Самарского генерал-губернатора Александра Павловича Безака. Он писал следующее: «близость крепости Яны-Курган вселяет опасение, что беспокойный сосед, собирая там партии, будет высылать их безнаказанно на баранту... Разрушение Яны-Кургана обезопасило бы табун и хозяйственные работы Джулека» (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 118. Л. 1-50б.). В конце сентября отряд под командованием генерала Дебу вышел из Джулека в направлении крепости Яны-Курган. При отряде также были задействованы 250 казахов, султаны Тайчик и Ахмед Кенесарины, Адиль Саукумов, Джанибек Искандеров и Нияз Мухаммедов под руководством самого Осмоловского (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 118. Л. 15-150б.). В своей докладной записке Осмоловский писал Дебу, что во время следования к Яны-Кургану к его отряду присоединились казахи из разных мест, и численность их составила до 400 вооруженных людей (ЦГА РК. Ф. 383. Оп. 1. Д. 113. Л. 129-130). Со взятием крепости Яны-Курган Дебу рапортом от 12 октября 1861 года писал Безаку, что служба «киргизов, бывших при отряде, заслуживает поощрения», при этом оценив в преданности этих казахов заслугу Осмоловского: «Такое настроение бывших при отряде киргизов нельзя не относить к умению коллежского советника Осмоловского руководить ими» (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 118. Л. 500б.-51).

В ноябре того же года с целью награждения казахов сырдарьинской линии Осмоловский составил список из 225 лиц, «удостаиваемых награды». Так, управляющий чумекеевским родом, подполковник султан Илекей Касымов за оказанное усердие был удостоен ордена святого Станислава 2-й степени, а султаны Ахмет и Тайчик были произведены в чин зауряд-хорунжего (ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7738. Л. 1-6; Кенесарин, 2022: 38-40). 17 апреля следующего года генерал-губернаторское ведомство писало: «Государь Император высочайше соизволил объявить монаршее его величества благоволение участвовавшему во взятии крепости Яны-Курган, чиновнику министерство иностранных дел для занятий по управлению киргизами и по части пограничной при сырдарьинской линии, коллежскому советнику Осмоловскому». Императорское благоволение являлось особой формой милости. Таким образом, Осмоловский получил высшую форму награждения с признанием его заслуги самим императором Александром II (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 118. Л. 142).

Завоевание кокандских крепостей Джулек и Яны-Курган стало важным этапом в расширении влияния Российской империи в регионе и первым шагом к дальнейшему продвижению ее войск вглубь Кокандского ханства. Эти экспедиции позволили значительно укрепить позиции Российской империи на южных рубежах, установить контроль над ключевыми торговыми маршрутами и обеспечить более безопасную и эффективную логистику военных операций. С присоединением Джулека и Яны-Кургана был окончательно утвержден штат управления Сырдарьинской линии (Мейер, 1865: 266). Эти укрепления также сыграли важную роль в процессе продвижения степного фронта в состав Российской империи, что способствовало дальнейшему продвижению российских войск в направлении Аулие-ата, Чимкента, Туркестана и Ташкента. Эти события стали важным этапом в захвате кокандских крепостей в 1864–1865 годах, а также в планировании военных экспедиций.

Осмоловский до конца жизни оставался на службе, собирая сведения, параллельно занимаясь судебным и гражданским делом, вверенным ему еще при Перовском. Осмоловский умер 30 апреля 1862 г. от апоплексического удара в форте Кармакчи. По смерти его, кроме домашних вещей, не оказалось никакого состояния. Коллекция восточных книг и рукописи были переданы генералу Дебу, который переслал все это брату Осмоловского. Брат Осмоловского, Статский советник Игнатий Яковлев Осмоловский, рапортом на имя Оренбургского и Самарского генерал-губернатора А.П. Безака от 8 ноября 1862 года писал следующее: «мой брат, заведывая судебною частью... по день смерти своей умел приобрести любовь и уважение местных жителей и не мало содействовал к увеличению в них приверженности к России». Он также отметил, чтобы начальство Оренбурга приняло во внимание то, что польза, которую приносил Осмоловский своей службой, выходила из ряда обыкновенной полезной деятельности чиновника (ГАОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 45. Л. 23-250б.). Известный военный писатель А.И. Макшеев, близко знавший Осмоловского, писал в своих воспоминаниях, что он принадлежал «к числу самых просвещенных и симпатичных деятелей в Оренбургской киргизской степи». Отмечая его способности в ведении судебных дел, А.И. Макшеев подчеркнул беспристрастную справедливость Осмоловского при решении различных споров казахов, что прославило его как «нового Соломона» (Макшеев, 1896: 246-249).

Таким образом, деятельность И.Я. Осмоловского по сбору сведений стала неотъемлемой частью успеха российской политики в Средней Азии. Его умение организовать эффективное взаимодействие с казахскими влиятельными лицами и использование знаний о местной политической, социальной и географической ситуации позволили Российской империи компенсировать значительные логистические трудности и повысить эффективность военных экспедиций. Это свидетельствует о том, что военные экспедиции Российской империи в Средней Азии были не только результатом превосходства в вооружении и тактике, но и глубокого понимания особенностей региона, основанного на тщательном анализе и учете местных условий и политической ситуации.

5. Заключение

Военные экспедиции Российской империи в Среднюю Азию в 50-60-х годах XIX века ярко продемонстрировали тактическое и военное превосходство русской армии над силами среднеазиатских ханств. Однако, несмотря на слабую организацию и техническое оснащение среднеазиатских войск, империя сталкивалась с серьезными логистическими вызовами, связанными с преодолением обширных степей и удаленных территорий. Эффективность российских походов основывалась не только на военной мощи, но и на способности адаптироваться к уникальным условиям региона. Важную роль в этом процессе играло систематическое использование сведений о среднеазиатских ханствах. В данном контексте И.Я. Осмоловский стал одной из центральных фигур, которая обеспечивала организацию информационно-аналитической работы. Благодаря его усилиям были выстроены эффективные каналы взаимодействия с казахскими влиятельными лицами, что позволило предоставить российской администрации важные сведения о политической, географической и социальной обстановке в Средней Азии. Его деятельность ярко демонстрирует, как успешное использование знаний местной специфики, включая особенности политической ситуации и территориальных реалий, способствовало достижению военных задач империи. Деятельность Осмоловского наглядно подчеркивает важность взаимодействия с местными элитами. Это ключевой элемент в укреплении позиций Российской империи в Средней Азии.

Таким образом, деятельность Осмоловского в области сбора сведений и разведывательной информации демонстрирует, как российская администрация эффективно использовала полученные данные для планирования военных экспедиций. Особое внимание уделялось анализу политической ситуации в среднеазиатских ханствах, что активно применялось при разработке тактических решений. В результате собранные Осмоловским данные стали важным инструментом, обеспечившим успешное продвижение русских войск в Среднюю Азию в 1850-1860-х годах.

6. Благодарности

Исследование выполнено в рамках реализации научного проекта Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на тему «Логистика военных походов Российской империи в казахскую степь и Туркестанский край: влияние и последствия для казахского общества» (ИРН №АР19676769).

Литература

- Бларамберг, 1978** – *Бларамберг И.Ф.* Воспоминания. Пер. с нем. О.И. Жигалиной и Э.Ф. Шмидта. Вступ. статья Н.А. Халфина. Москва: Наука, 1978. 357 с.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Дандевиль, 1908** – *Дандевиль М.В.* А.Н. Плещеев в форте Перовском (по его неизданным письмам) // *Минувшие годы. Журнал, посвященный истории и литературе.* СПб., 1908. №10. С. 103-141.
- Жанаев, 2016** – *Жанаев Б.Т.* (сост.). О слухах и событиях в Средней Азии. Алматы: AmalBooks, 2016. Т. 1. С. 798.
- Иванин, 1874** – *Иванин М.И.* Описание зимнего похода в Хиву 1839–1840 гг. СПб.: Общественная польза, 1874. 268 с.
- История Казахстана..., 2012** – История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 2. Астана: ТОО «Общество инвалидов – Чернобылец», 2012. 438 с.
- Кенесарин, 2022** – *Кенесарин А.* Кенесары хан и султан Сыдык. Алматы: AmalBooks, 2022. 188 с.
- Макшеев, 1896** – *Макшеев А.И.* Путешествие по киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб.: Воен. тип., 1896. 257 с.
- Материалы..., 1913** – Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 11. Хронологический перечень событий, относящихся к истории Оренбургского казачьего войска / Сост. Н.Г. Лобов. Оренбург: Типо-литография Б.А. Бреслина, 1913. 656 с.
- Мейер, 1865** – *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб.: Генеральный штаб, 1865. 386 с.
- Потто, 1873** – *Потто В.А.* О степных походах: Публ. лекции, чит. при Оренбург. юнкер. уч-ще в 1872 г. Санкт-Петербург: тип. Деп. уделов, 1873. 127 с.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Сартори, Шаблей, 2015** – *Сартори П., Шаблей П.* Судьба имперских кодификационных проектов: адат и шариат в Казахской степи. // *Ab Imperio.* 2015. Т. 2015. №2. С. 63-105. DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2015.0060>
- Сартори, Шаблей, 2019** – *Сартори П., Шаблей П.* Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. Москва: Новое Литературное Обозрение, 2019. 280 с.
- Султангалиева, Суйнова, 2022** – *Султангалиева Г., Суйнова А.* «О киргиз-кайсацких и других заграничных обстоятельствах видел и слышал»: информаторы Российской империи в Казахской степи (вторая половина XVIII–60-е годы XIX вв.). // *Ab Imperio.* 2022. Т. 2022. №3. С. 69-102. DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2022.0061>

- Терентьев, 1906 – Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб.: Типо-литография В.В. Комарова, 1906. 510 с.
- Труды..., 1906 – Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XVI. Оренбург: Типо-литография Ф.Г. Каримова, 1906. 296 с.
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Galiew, 1996 – Galiew W.Z. Polacy w Kazachstanie. Historia i wspolczesnosc, Wroclaw, 1996. 196 p.
- Kuczyński, 2014 – Kuczyński A. Polacy w Kazachstanie: zesłania-dziedzictwo-nadzieje-powroty. Wroclaw: Wydawnictwo Kubajak, 2014. Pp. 469-473.
- Morrison, 2014 – Morrison A. Camels and Colonial Armies: The Logistics of Warfare in Central Asia in the Early 19th Century. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2014. Vol. 57. No. 4. Pp. 443-485. DOI: <https://doi.org/10.1163/15685209-12341355>
- Sultangalieva, 2018 – Sultangalieva G.S. Kazakh Officials and the Russian Authorities: Features of Interaction in the 19th Century. // *Вестник КазНУ. Серия историческая*. 2018. Т. 89. №2. С. 13-19.

References

- Blaramberg, 1978 – Blaramberg, I.F. (1978). Vospominaniya [Memoirs]. Per. s nem. O.I. Zhigalinoi i E.F. Shmidta. Vstup. stat'ya N.A. Khal'fina. Moskva: Nauka. 357 p. [in Russian]
- Dandevil', 1908 – Dandevil', M.V. (1908). A.N. Pleshcheev v forte Perovskom (po ego neizdannym pis'mam) [A.N. Pleshcheev in Fort Perovskii (based on his unpublished letters)]. *Minuvshie gody. Zhurnal, posvyashchennyi istorii i literature*. SPb. 10: 103-141. [in Russian]
- Galiew, 1996 – Galiew, W.Z. (1996). Polacy w Kazachstanie [Poles in Kazakhstan]. Historia i wspolczesnosc, Wroclaw. 196 p. [in Polish]
- GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [State Archive of the Orenburg Region].
- Istoriya Kazakhstana..., 2012 – Istoriya Kazakhstana v dokumentakh i materialakh: Al'manakh. (2012). [History of Kazakhstan in Documents and Materials: Almanac]. Vol. 2. Astana: TOO «Obshchestvo invalidov – Chernobylets». 438 p. [in Russian]
- Ivanin, 1874 – Ivanin, M.I. (1874). Opisanie zimnego pokhoda v Khivu 1839–1840 gg. [Description of the Winter Campaign to Khiva 1839–1840]. SPb.: Obshchestvennaya pol'za. 268 p. [in Russian]
- Kenesarin, 2022 – Kenesarin, A. (2022). Kenesary khan i sultan Sydyk [Kenesary Khan and Sultan Sydyk]. Almaty: AmalBooks. 188 p. [in Russian]
- Kuczyński, 2014 – Kuczyński, A. (2014). Polacy w Kazachstanie: zesłania-dziedzictwo-nadzieje-powroty [Poles in Kazakhstan: Exile-Heritage-Hopes>Returns]. Wroclaw: Wydawnictwo Kubajak. Pp. 469-473. [in Polish]
- Maksheev, 1896 – Maksheev, A.I. (1896). Puteshestvie po kirgizskim stepyam i Turkestanskomu krayu [Journey through the Kyrgyz Steppes and the Turkestan Region]. SPb.: Voen. tip. 257 p. [in Russian]
- Materialy..., 1913 – Materialy po istoriko-statisticheskomu opisaniyu Orenburgskogo kazach'ego voiska [Materials for the Historical and Statistical Description of the Orenburg Cossack Army]. 1913. Vyp. 11. Khronologicheskii perechen' sobytii, otnosyashchikhsya k istorii Orenburgskogo kazach'ego voiska. Sost. N.G. Lobov. Orenburg: Tipo-litografiya B.A. Breslina. 656 p. [in Russian]
- Meier, 1865 – Meier, L. (1865). Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva [Kirgiz Steppe of the Orenburg Department]. SPb.: General'nyi shtab. 386 p. [in Russian]
- Morrison, 2014 – Morrison, A. (2014). Camels and Colonial Armies: The Logistics of Warfare in Central Asia in the Early 19th Century. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 57(4): 443-485. DOI: <https://doi.org/10.1163/15685209-12341355>
- Potto, 1873 – Potto, V.A. (1873). O stepnykh pokhodyakh: Publ. leksii, chit. pri Orenburg. yunker. uch-shche v 1872 g. [On Steppe Campaigns: Public Lectures, Delivered at the Orenburg Military School in 1872]. SPb.: tip. Dep. udelov. 127 p. [in Russian]
- RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military-Historical Archive].
- Sartori, Shablei, 2015 – Sartori, P., Shablei, P. (2015). Sud'ba imperskikh kodifikatsionnykh proektov: adat i shariat v Kazakhskoi stepi. [The Fate of Imperial Codification Projects: Adat and Shariat in the Kazakh Steppe]. *Ab Imperio*. 2015(2): 63-105. DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2015.0060> [in Russian]
- Sartori, Shablei, 2019 – Sartori, P., Shablei, P. (2019). Eksperimenty imperii: adat, shariat i proizvodstvo znaniy v Kazakhskoi stepi. [Empire's Experiments: Adat, Shariat, and Knowledge Production in the Kazakh Steppe]. Moskva: Novoe Literaturnoe Obozrenie. 280 p. [in Russian]
- Sultangalieva, 2018 – Sultangalieva, G.S. (2018). Kazakh Officials and the Russian Authorities: Features of Interaction in the 19th Century. *Vestnik KazNU. Historical Series*. 89(2): 13-19.
- Sultangalieva, Suinova, 2022 – Sultangalieva, G., Suinova, A. (2022). «O kirgiz-kaisatskikh i drugikh zagranichnykh obstoyatel'stvakh videl i slyshal»: informatory Rossiiskoi imperii v Kazakhskoi stepi (vtoraya polovina XVIII–60-e gody XIX vv.). [“On Kyrgyz-Kaisak and Other Foreign Affairs Seen and Heard”: Informants of the Russian Empire in the Kazakh Steppe (Second half of the 18th – 60s of the 19th century)]. *Ab Imperio*. 3: 69-102. DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2022.0061> [in Russian]

Terent'ev, 1906 – *Terent'ev, M.A.* (1906). Istoriya zavoevaniya Srednei Azii [History of the Conquest of Central Asia]. T. 1. SPb.: Tipo-litografiya V.V. Komarova. 510 p. [in Russian]

Trudy..., 1906 – Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii (1906). [Works of the Orenburg Scholarly Archive Commission]. Vyp. XVI. Orenburg: Tipo-litografiya F.G. Karimova. 296 p. [in Russian]

TsGA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

Zhanaev, 2016 – *Zhanaev, B.T.* (2016). (sost.) O slukhakh i sobytiyakh v Srednei Azii [On Rumors and Events in Central Asia]. Almaty: AmalBooks. T. 1. 798 p. [in Russian]

О деятельности Иосифа Осмоловского в контексте наступательных движений русских войск в Кокандское ханство (1852–1862 гг.)

Сейилхан Токболат ^{a, *}, Шынғыс Рахметулла ^b

^a Международнй Таразский университет им. Шерхана Муртазы, Тараз, Республика Казахстан

^b Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. В статье анализируется роль Иосифа Осмоловского в рамках российских военных экспедиций против Кокандского ханства в 1852–1862 гг. Осмоловский, хотя и является малоизвестной фигурой в истории Российской империи, сыграл ключевую роль в сборе разведывательной информации о политической, военной и географической обстановке в Среднеазиатских ханствах. Его деятельность в сотрудничестве с казахскими информаторами оказала существенное влияние на стратегический подход России в ходе военных походов. Статья исследует, как Осмоловский использовал местные знания, что позволило российским войскам преодолеть логистические трудности и эффективно действовать на обширных территориях Средней Азии. Особое внимание уделяется роли Осмоловского в организации и анализе разведывательной информации, что было важным фактором в успехе русских экспедиций, особенно в условиях внутренних конфликтов Кокандского ханства. Результаты исследования показывают, что деятельность Осмоловского по сбору разведывательных данных была необходимым элементом оптимизации военной стратегии. Исследование подчеркивает, как использование местных информаторов стало важным инструментом для расширения влияния Российской империи в Средней Азии.

Ключевые слова: Осмоловский, Российская империя, Средняя Азия, российские военные экспедиции, Кокандское ханство, сбор разведывательной информации, казахи, казахские информаторы, среднеазиатские ханства, степь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: seiltokbolat@gmail.com (С. Токболат)